
“ВНУТРЕННИЙ ЭЙДЖИЗМ”, ИЛИ САМОВОСПРИЯТИЕ ПОЖИЛЫХ

Авторы:

Дмитрий Рогозин

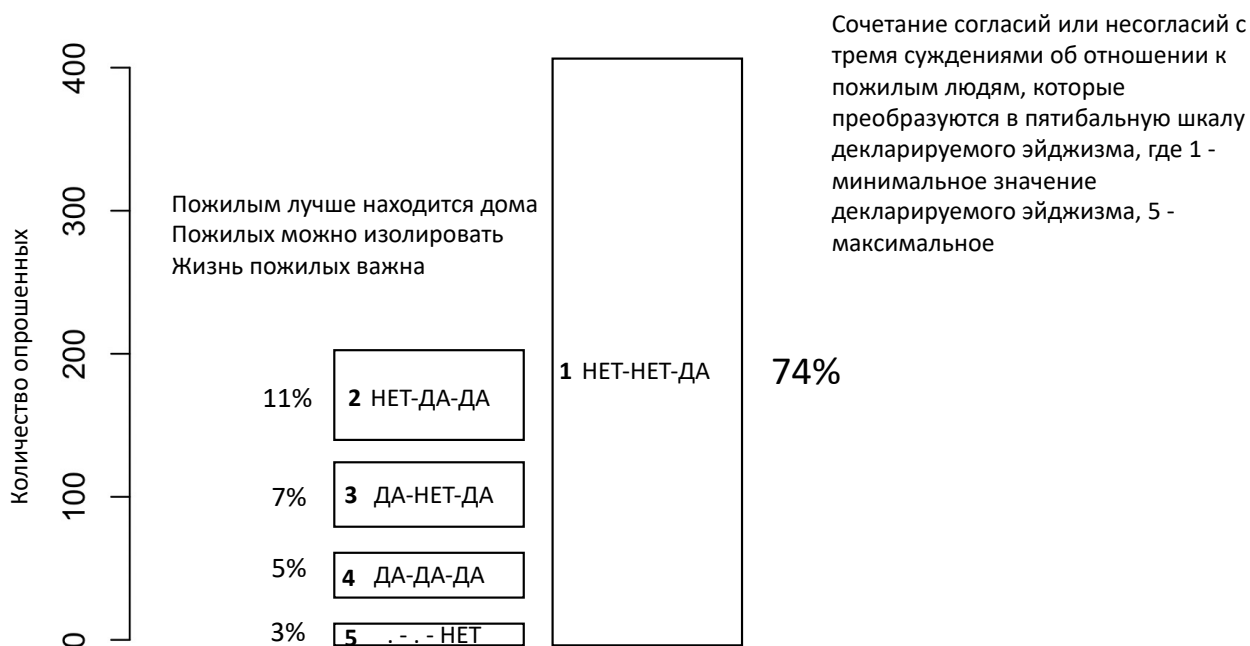
Ольга Солодовникова

Одним из центральных блоков анкеты был блок, посвящённый негативным установкам о старости. Респондентам предлагалось сообщить о мере своего согласия (в формате «скорее согласны» / «скорее несогласны» / «затрудняюсь ответить») с тремя утверждениями:

- (1) «Пожилых людей слишком много в больницах, магазинах, транспорте. Им лучше находиться дома и не отвлекать других»;
- (2) «Пожилые люди порой ведут себя агрессивно, неадекватно. И тогда допустимо изолировать их от общества»;
- (3) «Жизнь пожилых людей важна. Нужно всячески поддерживать долгожителей, продлевать жизнь старикам».

Все три высказывания являлись парафразами более жёстких риторических конструкций: «пожилые должны находиться дома», «пожилых допустимо изолировать», «жизнь пожилых важна». На основании ответов респондентов можно построить шкалу декларируемого эйджизма, где 1 — полное отсутствие эйджизма (респондент несогласен ни с одним эйджистским высказыванием и сообщает, что жизнь пожилых важна), а 5 — максимально возможный эйджизм (Рисунок 1).

Рисунок 1. Шкала декларируемого эйджизма

Как видим, 74% опрошенных, то есть абсолютное большинство, на уровне деклараций свободны от всякого эйджизма. 11% имеют более эйджистские установки, 7% и 3%, соответственно, набирают 3 и 4 бала на представленной шкале, наконец, 3% опрошенных составляют «полюс абсолютного эйджизма»: это люди, которые не только допускают изоляцию пожилых, но и не согласны с тезисом о значимости жизни последних.

Дизайн данного исследования не позволяет нам сказать, какие практики стоят за декларациями, можно лишь констатировать, что отсутствие эйджизма является социально одобряемой нормой и воспроизводится большинством опрошенных в речевых конструкциях. О пожилых принято думать и высказываться хорошо.

Тем более интересно изучить группу, всё же допускающую эйджистские установки. Заметим, что совокупность всех, набравших более одного балла на шкале декларируемого эйджизма, то есть в чём-либо отклонившихся от социально одобряемого нарратива, превышает четверть опрошенных — 26%. Как показывает сопоставление данных, такие социально-демографические характеристики, как пол или доход опрошенных не влияют на их приверженность эйджистским стереотипам. Между тем, корреляция с возрастом в некоторой степени присутствует (хоть она и не прямая), а наибольшие корреляции обнаруживаются с вопросом о занятости.

Чаще всего эйджистские позиции разделяют незанятые люди, то есть те, кто сам находится под давлением той или иной дискриминационной практики. Объём выборки (600 человек) не позволяет утверждать, что полученные корреляции являются устойчивыми, однако мы можем выдвинуть ряд важных гипотез. Прежде всего, отметить, что эйджизм предстаёт как самовоспроизводящаяся социальная болезнь: его подпитывают сами пожилые и дискриминируемые. Он может быть практикой, направленной в первую очередь на самого-себя-старого, самого-себя-немогущего, и лишь поддерживаться внешней средой. Заметим, что феномен «внутреннего эйджизма» (internalized ageism), а также негативного самовосприятия старения (self-perceptions of aging (SPA)) является одним из горячо дискутируемых явлений

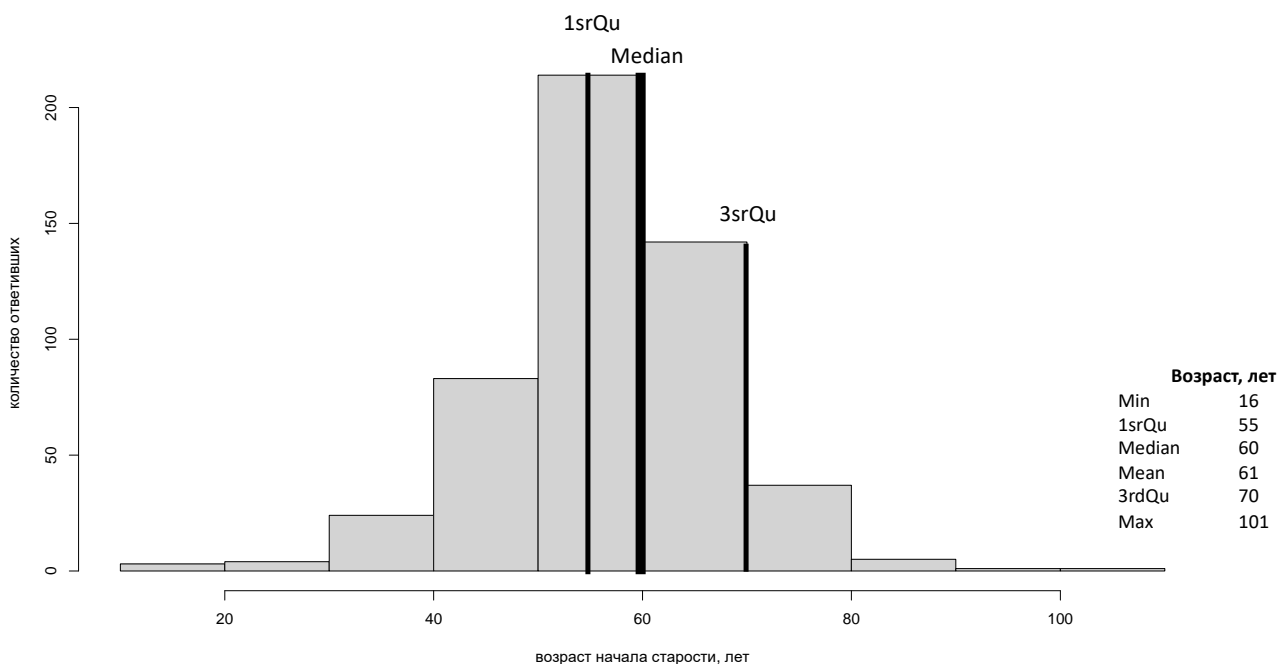
в трудах зарубежных коллег [Steward, Hasche, 2022]. Задача его измерения, правильной оценки вклада самовосприятия пожилых в поддержание эйджистских практик выходит на первый план и как методологическая проблема [Kang, 2022], адекватных решений которой пока не найдено.

Наличие внутреннего эйджизма определённым образом меняет наши представления о правильной стратегии по борьбе с дискриминацией пожилых. Скажем, популяризация идей о значимости старости и стариков среди молодёжи (проведение просветительских мероприятий в школах, институтах) может не достигать желаемого эффекта: данная целевая аудитория и так поддерживает социально одобряемую норму. Другое дело, что практики семейного общения, нормы коммуникации могут не соответствовать декларациям, но носителями этих практик выступают не только молодые, но и их пожилые родственники. Этот феномен несоответствия социально одобряемой нормы сложившимся практикам поведения подробно разбирался ещё в работах Бориса Грушина.

Важную социологическую проблему представляет задача объяснить, почему пожилые и дискриминируемые отрицают собственную значимость и ценность. Ценность, которая даётся человеку в старости по умолчанию, — это его прошлое, прожитая жизнь. Однако в обществах, где практики включения прошлого в настоящее неактуализированы или отсутствуют, где молодость ценится как современность и новизна, эйджизм становится фактором общей культуры, неспособной предъявить ценность старости и её носителей [Palmore, 2015]. Аннулированное прошлое, неинтересное остальным членам общества (в реальной жизни, а не в декларациях), воспринимается пожилыми уже не как приобретение, а как утрата: родных, социальных связей, интереса к жизни и т. д. Таким образом, преодоление внутреннего эйджизма требует работы с социо-культурными установками общества.

В нашем исследовании респондентам задавался вопрос, непосредственно связанный с самовосприятием старости: «С какого возраста начинается старость?». Одним из распространённых в геронтологии концептов является т. н. «эффект возрастной диссоциации» (age-group dissociation effect), согласно которому чем старше становится человек, тем на более поздние сроки он переносит наступление старости. Однако заметим: как и ряд исследователей до нас, работавших с большими данными и представительными выборками [Jurek, 2022], мы не обнаружили указанного эффекта на нашей выборке. Установка о том, когда наступает старость, консистентна для всех возрастных групп и имеет медианное расширение к 60 годам (Рисунок 2).

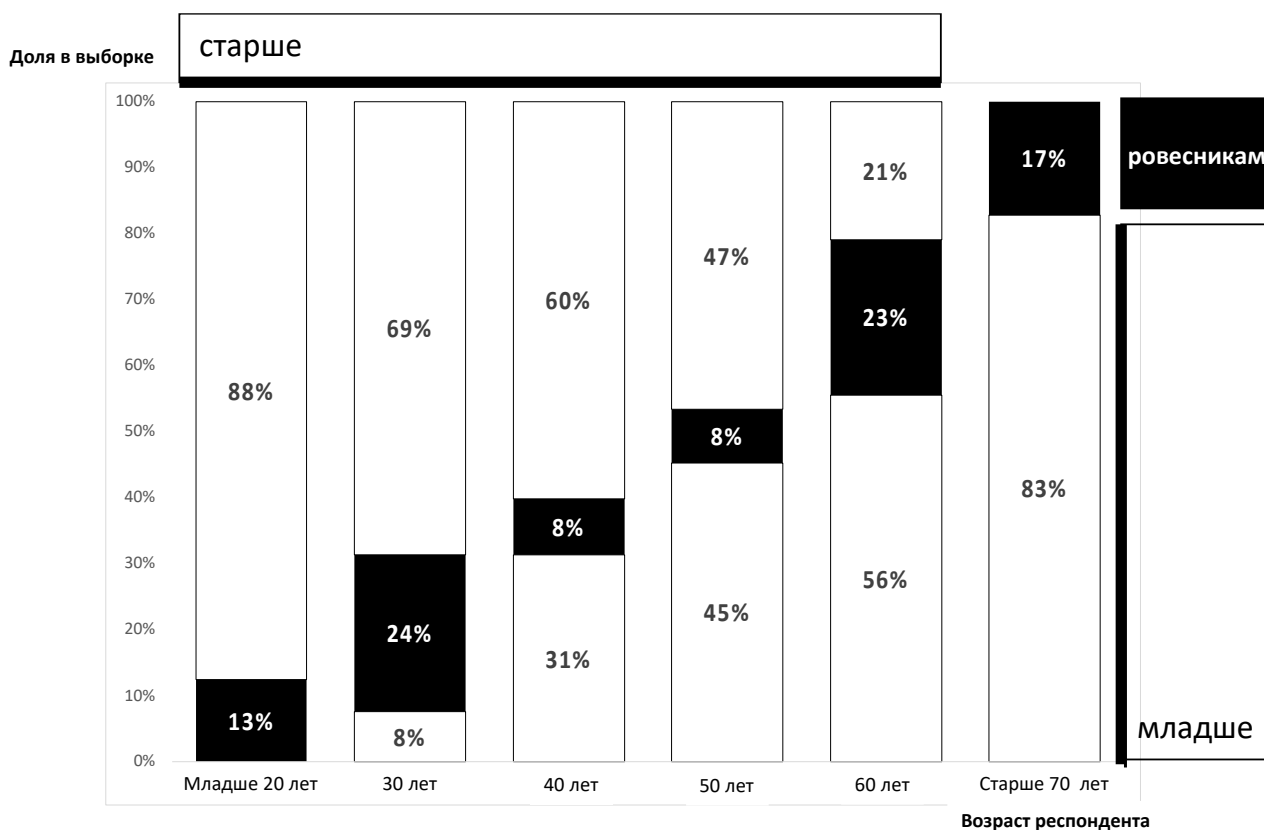
Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «С какого возраста начинается старость?»

Заметно, что сохраняется инерция привязки «возраста старости» к возрасту выхода на пенсию, ввиду дореформенных и пореформенных значений которого общий «горизонт старения» располагается между 55 и 70 годами. Вместе с тем, полученные данные позволяют точнее формировать когорты пожилых, отличающиеся своими установками: группа 55-69-летних не тождественна группе 70-86-летних.

Наконец, интересные данные для анализа внутреннего эйджизма дают ответы на вопрос: «В каком возрасте сейчас в России жить сложнее всего?», которые можно представить в связи с возрастными когортами респондентов следующим образом (Рисунок 3).

Рисунок 3. Представление респондентов разных возрастных групп о том, в каком возрасте сложнее всего жить в России в настоящее время

Вопреки распространённой точке зрения, что пожилым, во-первых, объективно живётся труднее, во-вторых, свойственно об этом сообщать, мы видим более сложную картину. Чаще всего говорят, что трудно жить именно в их возрасте, 30-летние (24%) и 60-летние (23%). Среди 70-летних уже только 17% убеждены, что труднее всего приходится им, тогда как абсолютное большинство (83%) полагают, что труднее тем, кто моложе. Представленный рисунок наглядно показывает, что чем старше становится человек, тем более он склонен сочувствовать тем, кто моложе его. Эти данные прямо противоречат эйджистским стереотипам, согласно которым пожилой — это постоянный проситель, патерналист, реципиент всех видов и форм помощи. Сами старики не считают, что их жизнь особенно тяжела. Однако за этим убеждением может скрываться другая форма эйджизма: согласие с тем, что своя жизнь (а соответственно, и её трудности) бессмысленна, имеет меньше ценности, чем жизнь и проблемы молодых. Пожилые готовы сочувствовать, помогать и «уступить дорогу» молодым. Как ни странно, такие установки могут являться внутренним драйвером эйджизма.

Литература:

1. Kang, H. Scales for measuring ageism as experienced by older adults: Literature review and methodological critique // *Frontiers in Education*. 2022. Vol. 7. Article 739436.
2. Palmore, E. B. Ageism comes of age // *The Journal of Gerontology. Series B*. 2015. Vol. 70. No. 6. P. 873–875. [doi: 10.1093/geronb/gbv079]

3. Steward, A., Hasche, L. Exploring lifestyle activities to reduce internalized ageism: Self-efficacy as a mediator between exercise, volunteering, computer use, and self-perceptions of aging // *International Journal of Aging and Human Development*. 2022. Vol. 94. No. 3.